

Х. К. Геграев
М. И. Баразбиев

ПРОЦЕССЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО БАЛКАРСКОГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ XVIII — НАЧАЛА XX В.)

Актуальность историко-демографических исследований во многом обусловлена сложностью современных мировых и региональных демографических процессов, оказывающих большое влияние на устойчивое развитие как национальных государств, так и отдельных этносов. Цель данной статьи — основываясь на анализе материалов демографической статистики, этнографических и сравнительно-исторических исследований, трудов по экологии и биологии высокогорных популяций, показать специфику модели демографического поведения в традиционном балкарском обществе. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые историческая демография Балкарии рассматривается в русле концепции этнической адаптации, понимаемой нами как процесс и результат взаимодействия фактора природно-географической среды (этноландшафта), созданного в ее рамках хозяйственно-культурного типа (системы жизнеобеспечения) и народонаселения (этноса) с его демографическими параметрами (уровни рождаемости, смертности и брачности, семейная организация, возрастно-половая структура, здоровье населения). Динамика и уровень демографических показателей вместе с созданной балкарцами системой жизнеобеспечения, рассматриваются нами как критерии адаптированности этноса к своей, во многом экстремальной, природно-географической среде проживания. В результате проведенного междисциплинарного исследования делается следующий вывод: модель демографического поведения традиционного балкарского общества есть результат длительного процесса адаптации к условиям высокогорья, задающего свои особенные параметры и ограничения репродуктивного и брачного поведения населения, послужившие основой устойчивого существования небольшого по численности этноса в условиях экстремальной природной среды.

Ключевые слова: балкарцы, этническая адаптация, высокогорные популяции, демографическое поведение, брачный возраст, естественное воспроизводство населения.

Балкарцами как одним из автохтонных высокогорных этносов Северного Кавказа накоплен большой исторический опыт этнической адаптации и демографической устойчивости. Его ценность состоит в том, что современные противоречивые демографические тенденции выдвигают перед малочисленными народами, исторически привязанными к определенным природно-экологическим нишам, проблемы самосохранения и демографического воспроизводства. В частности, перед

современными балкарцами стоят задачи выработки таких механизмов адаптации, которые бы предотвращали процессы депопуляции в меняющейся экологической и социокультурной среде [1, 115].

Проведенный нами анализ демографических материалов, относящихся ко второй половине XVIII — началу XX в., позволяет говорить о том, что выработанная балкарцами стратегия жизнеобеспечения, основанная на отгонном скотоводстве и интенсивном

земледелии, и связанная с нею модель демографического поведения в основном обеспечивали непрерывность процессов воспроизводства и роста населения [2].

Прежде чем перейти к общей характеристике процессов естественного воспроизводства населения Балкарии в рассматриваемый период, необходимо сказать о понятии «демографическое поведение» или «модель демографического поведения». Под ним подразумевается «система массовых представлений и соответствующих массовых действий, непосредственно определяющих режим воспроизводства населения. Демографическое поведение в этом истолковании охватывает модель и тип брачного поведения, модель и тип репродуктивного поведения, модель и тип витального поведения. Соответственно демографическое поведение в той или иной мере характеризует принятые в данном социуме отношения к браку, разводу, брачному возрасту, к женщине, к ребенку, семье и родне, к старости, болезни, смерти» [3, 110-111].

В результате высокой степени адаптированности популяций (этносов) к окружающей среде, одним из основных показателей которой является их выживаемость и непрерывность [4, 349], складывается система антропогеоценоза с ее структурными компонентами: хозяйственный коллектив как демографическое целое, его производственная деятельность, эксплуатируемая территория [5, 357].

Исходной демографической характеристикой хозяйственного коллектива является та или иная численность, которая, как отмечает В. П. Алексеев, «более высока в общественных объединениях земледельцев (в связи с более вы-

сокой производительностью продуктов жизнеобеспечения), чем в скотоводческих и особенно охотничьих обществах» [5, 357]. Он же указывает на то, что характерная для популяции сумма биологических свойств и демографических характеристик до какой-то степени определяет интенсивность хозяйственной деятельности, а от этого зависит уровень социальной адаптивности. Одновременно, под влиянием всей структуры данного антропогеоценоза и в частности под влиянием его географической микросреды, сама популяция эволюционирует и биологически, и демографически [6, 78-79]. В ходе и в результате биолого-демографической эволюции складываются такие внутрипопуляционные характеристики, как соотношение полов, соотношение лиц различных возрастных групп, уровень рождаемости и смертности. Эти характеристики вместе с численностью популяции отражают не только степень освоения микротерритории антропогеоценоза и создаваемых в результате хозяйственной деятельности запасов пищи, но и характер взаимодействия с другими антропогеоценозами. Демографическое давление как один из компонентов взаимодействия антропогеоценозов регулирует демографические и биологические показатели популяции, создавая основу для коадаптации популяций [6, 80].

О том, что «степень воздействия человека на географический ландшафт, на природные явления и процессы зависит не только от типа хозяйственной деятельности, но и от абсолютной численности этноса, то есть от плотности населения, живущего в тех или иных географических районах», писали В. И. Козлов и В. В. Покшишевский [7,

9]. Между тем, режим воспроизводства населения, определяющий его естественный прирост, а значит и абсолютную численность на тот или иной момент времени, зависит в свою очередь «от бытующих брачных обычаев, традиционного отношения к безбрачию, к бездетности и многодетности и от других факторов, восходящих к этническим особенностям» [7, 9].

Вопрос о численности населения приобретает особую значимость для этносов-изолятов, проживающих в труднодоступных местах, к числу которых можно отнести и балкарцев рассматриваемого периода, поскольку, как писал известный французский демограф А. Сови, «трудно или даже невозможно поддержать жизнь в пределах весьма изолированной и удаленной территории, если численность населяющих ее людей не достигает определенной величины, которую можно назвать минимальным населением» [8, 88]. По мнению этого автора, «демографическая стабильность достигается только в том случае, если численность населения превышает 500 жителей. Во всяком случае, именно при такой численности населения ежегодно может заключаться 5 браков и рождаться 12 человек» [8, 89].

Для общей характеристики динамики численности населения балкарских обществ мы выделили в их демографической истории с 1773 по 1916 год близкие по протяженности хронологические отрезки длиной 30-35 лет и рассчитали для них среднегодовые показатели прироста населения. По нашим расчетам, в 1773-1808 гг. среднегодовые показатели прироста населения балкарских обществ составляли около 0,5 %; в 1827-1859 гг. — около

2,9 %; в 1859-1894 гг. — около 1,9 %; в 1890-1916 гг. — около 1,0 % прироста в год. В период с 1808 по 1827 гг. произошло резкое, более чем в 2 раза, сокращение численности населения балкарских обществ — примерно с 12,3 тыс. до 6,1 тыс. человек, вызванное, очевидно, вмешательством сильных негативных факторов экзогенного характера, прежде всего моровых болезней. С 30-х гг. XIX в. вновь начинается рост численности балкарского населения. Примечательно, что на временной отрезок 1827-1859 гг. приходился более высокий показатель среднегодового прироста населения, что объясняется действием механизмов демографической компенсации. Подобный феномен повторился и в связи с трагическими событиями — депортацией балкарцев и пребыванием их в ссылке в 1944-1957 гг., когда, после понесенных на чужбине больших людских потерь, в течение последующих почти трех десятилетий у них имел место довольно существенный прирост населения.

В Европе эпохи средневековья также после больших людских потерь, вызванных во многом эпидемиями, особо свирепствовавшими между 1350-1450 гг., последовало быстрое ускорение роста населения, продолжавшееся в течение «долгого XVI века» (1451–1650) [9, 58]. Ф. Бродель особо подчеркивает способность населения прежних исторических эпох к компенсации «в течение кратковременных циклов, столь же мощных, если не столь же быстрых, как те неожиданные удары, какие обрушиваются на живущих. В долгосрочном плане компенсация происходит незаметно, но, в конечном счете, ей принадлежит последнее слово» [9, 107].

В традиционных аграрных балкар-

ских обществах, каковыми они являлись по своему социальному и хозяйственно-культурному укладу в XVIII — начале XX в., оптимальный для того времени и условий высокогорья режим воспроизводства населения и темпы его прироста обеспечивались в основном, если исходить из результатов проведенного нами исследования демографических материалов того времени, за счет соотношения умеренной рождаемости и невысокой смертности. Именно через рождение новых поколений и создание для них необходимых условий жизни (с использованием традиционной системы жизнеобеспечения) достигается устойчивость этносов в демографическом плане, обеспечивающая длительность взаимодействия каждого из них с определенными природными условиями. Для небольших этносов особенно важным условием воспроизводства является также их традиционная эндогамность [10, 11], которая успешно поддерживалась внутри труднодоступных балкарских обществ.

По мнению О.Д. Комаровой, влияние экологических факторов на репродуктивную сферу более отчетливо проявляется в отношении смертности, чем рождаемости [11, 45, 47]. Необходимо также учитывать сосуществование экзогенных и эндогенных факторов смертности и превалирование одних из них на различных исторических этапах. Например, «в Западной Европе XVIII века впервые в истории оказалось ограниченным действие факторов катастрофической смертности, здесь почти прекратились демографические кризисы, что и обусловило начавшееся в ряде западноевропейских стран снижение смертности» [12, 107]. Что касается Балкарии, то здесь, согласно наше-

му исследованию, достаточно устойчивое развитие народонаселения, не отмеченное острыми демографическими кризисами, начинается с конца первой трети XIX в. Невысокий или даже низкий уровень смертности, с которым балкарские общества подошли к рубежу XIX-XX вв., являлся одним из показателей высокой степени адаптированности, как в ее биологическом, так и социокультурном смысле, балкарского этноса к своей экстремальной природно-экологической среде проживания.

Поэтому, как подчеркивает Комарова, «оценивая уровень смертности, всегда нужно учитывать, в какой стадии адаптации находится данная популяция» [11, 69]. Относительно жителей балкарских обществ XIX — начала XX в. мы можем говорить о высокой степени адаптированности, учитывая их достаточно длительное к тому времени (в течение четырех — пяти столетий) проживание в границах сугубо горного ландшафта. В течение этого периода в области хозяйственной деятельности, социальных отношений, витального поведения балкарцами были выработаны стратегии (навыки, способы, механизмы), ограничивающие действие как эндогенных, так и экзогенных факторов смертности.

Демограф А.Г. Вишневицкий выделял три основных направления ограничивающего воздействия общества на экзогенные факторы смертности: «а) коллективная хозяйственная деятельность, повышающая надежность удовлетворения их необходимых жизненных потребностей; б) подчинение индивидуального «витального» (т.е. непосредственно влияющего на витальные исходы) поведения социальным нормам, в большей или меньшей

степени охраняющим жизнь человека и требующим взаимопомощи при возникновении опасности для неё; в) использования накапливающихся знаний об организме человека и свойствах окружающей среды для охраны, спасения или продления человеческой жизни» [12, 88]. Все эти три проадаптивных направления вполне зримо проявляли себя в традиционном балкарском обществе. Это и эффективная коллективная хозяйственная деятельность, и развитие традиции социально-психологической поддержки и компенсации, и компоненты материально-физической культуры самосохранения этноса (рацион питания, конструкция жилища и топография поселений, покррой одежды, подвижный образ жизни, народная медицина и т.д.).

Названные компоненты материальной и соционормативной культуры являлись тем результатом этнической адаптации, который позволял в условиях горной изолированной среды сохранять и приумножать численность балкарского населения. Алексеев приводит пример с демографией эскимосского населения Гренландии, показывающий, что его численность на протяжении столетий не уменьшалась и даже увеличивалась, в то время как норвежцы эпохи викингов, стоявшие в культурном отношении выше эскимосов, оказались бессильны преодолеть сопротивление среды, которое преодолели эскимосы [6, 19]. Как пишет В. И. Козлов, «у родоплеменных обществ, оказавшихся в особо неблагоприятных условиях, в изолированных районах с ограниченными природными ресурсами, разбитых на мелкие локальные группы», традиции высокой плодovitости в противовес высокой смертности выступали слабее,

а «у племен, живущих в условиях, способствующих упрочнению их социальной организации — сильнее» [13, 141]. Если употребляемый Козловым термин «родо-племенные общества» мы возьмем в более широком смысле и назовем «традиционные общества», имея в виду, что последние могут включать в себя как элементы родо-племенного, так и феодального строя, и, считая таковыми балкарские общества XVIII — начала XX в., то, как показал анализ материалов демографической статистики указанного периода, для них как раз становится характерной традиция умеренной рождаемости при невысокой смертности, со сбалансированным возрастным составом населения и с существенным преобладанием мужского населения над женским. В то же время России в целом к началу XX в. преобладал традиционный тип воспроизводства населения с молодым возрастным составом, высокой рождаемостью и смертностью, многодетностью, стабильно высоким естественным приростом населения и равновесием полов [14, 30].

Для сравнения здесь также можно привести общую характеристику демографического развития народов Дагестана во второй половине XIX — начале XX в., которую дает дагестанский исследователь М. — Р. А. Ибрагимов [15, 103]. Он отвергает распространенное положение о том, что при царизме народы Дагестана были обречены на вымирание. Напротив, динамика их численности со времени образования области в 1860 г. до Октябрьской революции свидетельствует об увеличении населения в 1,7 раза или примерно по 1,3 % в год; общая численность населения края выросла с 433,6 тыс. человек в 1861 г. до 739,8 тыс. человек в 1917 г.

Воспроизводство населения Дагестана этого периода характеризовалось высокой рождаемостью (по имеющейся статистике — до 36 % в год, но, вероятно, выше), что, как считает Ибрагимов, являлось следствием репродуктивного поведения, ориентированного на максимальное число рождений. В свою очередь, такое поведение, по его предположению, «провоцировалось» высокой смертностью, особенно младенческой, а также одобряемой общественным мнением многодетностью, ранним замужеством, спецификой основных занятий (сочетание земледелия и скотоводства), обычаям эндогамии, прочными позициями ислама в общественном и семейном быту. Для населения Дагестана отмечается также относительно высокая смертность (до 18-19 %), хотя ее уровень был ниже, чем в целом по России. В то же время, «все демографические показатели, находясь под влиянием экономических и социально-культурных факторов, а также этнических традиций, довольно значительно варьировались (например, в количестве детей) в семьях южного и северного Дагестана, в горных и горно-долинных аулах, городах и селах и т.д.» [15, 104].

Однако в исторической демографии горских народов Кавказа есть и примеры, когда в общественном мнении многодетность не поощрялась. Как мы узнаем из исследования Л. Т. Соловьевой, в Пшави и Хевсурети (горная Грузия) избегали иметь много детей: обычно их было в семье трое или четверо. «При этом первый ребенок, по данным 1850-1880 гг., должен был родиться не ранее 3-4 лет после свадьбы; к началу XX века этот срок сократился до двух лет. Стремление к ограничению рождаемости было обусловлено социально-э-

кономическими причинами: нехваткой удобных для земледелия участков, боязнью перенаселенности. По убеждению горцев, если в семье было много детей, это обесценивало хозяйство, вызывало недостаток земли и нехватку продуктов. Особенно это сказывалось в Хевсурети, где преобладали малые семьи, что объяснялось именно малоземельем. То же явление наблюдалось и в Пшави, но в ослабленном виде, так как пшавы, *благодаря прибыльному скотоводству* (курсив наш. — Авт.), были менее зависимы от количества удобной земли» [16, 18].

Проблема избыточного населения, то есть необеспеченного достаточным количеством удобной для проживания и возделывания земли, была довольно острой для горского населения Северного Кавказа, особенно на рубеже XIX-XX вв. К этому времени, по данным Н. Г. Волковой, избыточное население составляло у балкарцев 67 %, у осетин — 88 %, ингушей — 89 % и чеченцев — 90 %. «Однако в Балкарии, — подчеркивает Волкова, — несмотря на безземелье, переселение на равнину не приняло такого массового характера, как в Осетии, и не привело к образованию большого числа населенных пунктов. Балкарские переселенцы землеустраивались только путем приселения в уже существовавшие селения» [17, 231].

При том, что проблема землеобеспеченности населения традиционно имела для Балкарии острый социально-демографический характер, здесь, как выше отмечалось, с конца первой трети XIX и до начала XX в. среднегодовой прирост населения превышал 1 %, а в первые полтора десятилетия XX в. он уже был менее 1 %.

В демографии принято говорить о

быстром росте населения, когда средний годовой уровень роста превышает 1 %. Уровень более 3 %, если он не вызван массовой иммиграцией, считается симптомом «демографического взрыва». Это означает удвоение численности населения всего за 24 года, то есть в течение жизни одного поколения [18, 188].

Как известно, еще в XVIII в. Т. Р. Мальтус (1798) выдвинул положение о том, «что если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий двадцатипятилетний период в геометрической прогрессии» [19, 10]. Далее он утверждал, что, если исходить из современного ему состояния заселенных земель, то «средства существования при наиболее благоприятных условиях применения человеческого труда никогда не могут возрасти быстрее, чем в арифметической прогрессии» [19, 12]. В контексте нашего исследования важен следующий ряд положений, выдвинутых Мальтусом, а именно: «1) количество народонаселения неизбежно ограничивается средствами существования; 2) народонаселение неизменно возрастает всюду, где возрастают средства существования, если только оно не будет остановлено явными и могущественными препятствиями; 3) эти особые препятствия, точно так же как и все те, которые, останавливая силу размножения, возвращают население к уровню средств существования, могут быть сведены к следующим трем видам: нравственному обузданию, пороку и несчастью» [19, 20]. Одним из «нравственных обузданий» являлось, по Мальтусу, воздержание от ранних

браков, а к числу пороков и несчастий он относил войны и эпидемии.

Данные положения, как мы видели на примере Балкарии, действовали в системе традиционного типа воспроизводства населения. Принято считать, что для традиционного типа характерным является положение, когда уровни рождаемости и смертности превышали 40 %, и в исторической перспективе рождаемость незначительно превышала уровень смертности. Такое, или близкое к нему, соотношение рождаемости и смертности было присуще населению Европейской России, а в Балкарии второй половины XIX — начала XX в. показатели рождаемости и смертности имели гораздо более низкие уровни.

Мы уже отмечали, что если в России (без национальных окраин) наличие большого фонда свободной земли долгое время являлось фактором, стимулировавшим высокую рождаемость и многодетность (именно наличием большого фонда свободной земли объяснялось в значительной мере то, что в течение XVIII — начала XX в. в России доминировали ранние браки, когда возраст женихов и невест не превышал 25 лет) [20, 167-168], то в условиях высокогорной Балкарии, напротив, существовала естественная потребность в определенном регулировании уровня рождаемости, чтобы уменьшать давление растущей численности населения и хозяйств на ограниченные, удобные для проживания и занятий хозяйственной деятельностью, земельные ресурсы и тем самым сдерживать аграрное перенаселение.

Как писал Вишневецкий, «мысль о том, что можно по своему желанию родить больше или меньше детей, недоступна человеку традиционного обще-

ства» [12, 163]. Однако этот тезис, как нам представляется, можно относить не ко всему традиционному обществу, а только к его наиболее архаичским этапам. Когда же мы говорим об обществах с более развитой социальной организацией, то в них на рождаемость могли воздействовать (и воздействовали) «либо путем регулирования отношений между полами, в частности влияя на брачность, либо путем проведения мероприятий, направленных на ограничение рождаемости» [8, 74]. Влиять же на брачность можно было либо через поощрение ранних браков, а значит, и многодетности, либо через откладывание времени вступления в брак, которое «сокращает репродуктивный период в его наиболее плодovитой части» [8, 170].

Уровень рождаемости у жителей высокогорья как раз мог, в отличие от жителей Русской равнины, регулироваться, в том числе посредством откладывания браков, особенно у мужчин, на более поздний срок, нередко после 30 лет. К тому же, как установлено исследованиями в области экологии высокогорных популяций, для последних характерно, независимо от расовой и этнической принадлежности, замедление ростовых процессов и сроков полового созревания [21, 98], что могло сдвигать минимальный брачный возраст в сторону его повышения и сказываться на уровне «реализованной» плодovитости, то есть рождаемости.

Однако этот фактор биологического характера не мог быть единственным регулятором уровня рождаемости. Здесь более важную роль должно было играть другое, уже социально-культурное по своей природе, средство регулирования рождаемости и прироста

населения — откладывание времени вступления в брак или, иначе говоря, повышение возраста первого брака, который, в свою очередь, также зависел, как это будет показано, от целого ряда факторов.

Вообще, как установлено историко-демографическими исследованиями, повышение возраста первого брака — наиболее часто встречающееся в традиционных аграрных обществах средство регулирования рождаемости. И увеличение этого возраста, по мысли Ю.Л. Бессмертного, свидетельствует о росте средней длительности предстоящей жизни и сокращении числа мест для хозяйственного устройства молодых семей [22, 160-161]. Данный факт Бессмертный отмечал для аграрного населения Франции XVI-XVIII вв. Дж. Хаджнал характерной особенностью брачного поведения европейского крестьянства на рубеже средних веков и нового времени считал то, что «мужчины женятся поздно, поскольку они не в состоянии «позволить» себе ранний брак; они вынуждены ждать, пока не приобретут средства к существованию...» [23, 63]

Б.Н. Миронов, характеризуя демографические процессы в России последней трети XIX — начала XX в., отмечал одновременное уменьшение брачности, рождаемости и смертности и увеличение средней продолжительности жизни и естественного прироста населения [20, 209].

Наконец, мы можем привести более близкий для нас пример Дагестана конца XIX — начала XX в., где в горных районах с суровыми климатическими и трудными материальными условиями (у аварцев, даргинцев, лакцев), в которых женщины наравне с мужчинами

выполняли тяжелые полевые работы и где «родительская семья, как правило, сразу выделяла новобрачных в самостоятельное хозяйство, молодые люди вступали в брак относительно поздно, уже в зрелом возрасте» [24, 151], то есть когда уже имели определенную экономическую базу.

Для высокогорной Балкарии рассматриваемого периода, в силу ее известных природно-географических, экономических и социально-культурных особенностей (ограниченные земельные ресурсы, занятия отгонным скотоводством, строгая фамильная экзогамия, сословные перегородки и др.), мы предполагаем более длительное существование традиции вступления в первый брак, особенно мужчин, в достаточно зрелом возрасте, т.е. от 30 лет и выше. Свидетельства тому мы находим в работах авторов конца XIX — начала XX вв., изучавших хозяйственный, общественный и семейный быт балкарцев.

Несмотря на то, что в брак балкарцы могли вступать в достаточно зрелом возрасте, к этому событию, как подмечал В. Я. Тепцов, будущие невесты и особенно женихи начинали готовиться рано: «Уже в возрасте 15-16 лет он (т.е. жених. — Авт.) вынужден подумать о женитьбе и начать готовиться к ней... На все это нужны годы терпения и труда, особенно же для бедняка... Самое трудное для жениха собрать калым, размеры которого не ограничены» [25, 170]. Тепцов перечисляет целый ряд причин, которые могли препятствовать женитьбе: «Жениться надо, а жену найти трудно: одна в родстве, другая не пара по сословию, третья урод, семья четвертой во вражде, пятая бедна слишком, за шестую требуют

непосильный калым и т.д.» [25, 173]. Интересно отметить тот факт, что 23 марта 1895 г. обществом балкарского сел. Гунделен был вынесен приговор «относительно уменьшения платы за невест, который по обычаю туземного населения *дошел до чрезвычайных мер и сильно препятствует на вступление в брак молодым людям, не имеющим средств...*» (курсив наш. — Авт.). Общество постановило, с учетом того, что жители его были «одинакового сословия», определить «в уплату калыма невесте... триста руб. из них пятьдесят наличными деньгами, а остальные скотом...» [26, 45] О том, как материальное состояние могло влиять на сроки заключения браков у балкарцев, Н. А. Караулов писал: «Когда жених состоятельный и может уплатить калым немедленно, то сватовство долго не затягивается; в противном случае иногда проходит до 2-х лет, пока жених соберется со средствами и приготовит требуемый калым» [27, 146-147]. Также и Н. Тульчинский подчеркивал, что «в молодости до женитьбы горец, не покладая рук, работает, чтобы скопить деньги и скот, необходимые для уплаты калыма. Женившись, он опять трудится и трудится не для умножения своего состояния, а для того, чтобы поженить своих сыновей и так без конца... Однако, несмотря на свой неустанный труд, который в горах очень дешев, все-таки там остается много бедняков, не имеющих возможности жениться; вот почему в горах не редкость встретить пожилых холостяков рядом со стареющими девами — явление, вызываемое упорным желанием родных последних выманить как можно больше калыму. Не удивительно после этого, что в горах также часто можно встретить тай-

ное умыкание девушек, ибо в таких обстоятельствах, при умелом ведении дела, калым понижается до минимума, или совсем упраздняется» [28].

Тепцов, отмечая допустимость многоженства по исламу, вместе с тем констатировал нехарактерность этого явления «у горских татар», давая этому следующее объяснение: «Трудно, как мы видели, отыскать и одну жену; большие издержки разорительны и для одной свадьбы, тяжело прокормить и одну небольшую семью, главное же — “предки наши не знали этого обычая”, то есть многоженства. Исключения из этого правила встречаются у князей и то весьма редко» [25, 179]. Далее Тепцов касался вопроса о брачном возрасте у балкарцев: «Возраст брачующихся не определен строго обычаями, да здесь народ и не ведет летоисчисления, так что ни один татарин в точности не знает, сколько лет ему и его детям. Не принято, впрочем, жениться или выходить замуж слишком рано. Девушка объявляется невестой в 12-14 лет, при этом объявлении и назначается размер калыма за нее. Мужчины обыкновенно женятся после 20 лет. *Ранние браки являются редким исключением. Холостяки за 30 лет и девушки за 20 лет встречаются здесь нередко* (курсив наш — Авт.). Свадьбы устраиваются преимущественно летом до начала рабочего времени и осенью после праздника Курман» [25, 179].

Интересную связь проводил между брачным возрастом, физическим и нравственным здоровьем балкарцев Мисост Абаев: «В отношении нравственности горцев можно сказать смело, что было время, когда горец или горянка не допустили бы мысли, что кто-нибудь мог нарушить супружескую

верность, или кто-либо позволил себе увлечь женщину или девушку, несмотря на то, что *до зрелого возраста обо-его пола браки не совершались, почему народ был крупный и здоровый*» (курсив наш. — Авт.) [29, 21].

О том, что на рубеже XIX-XX вв. большинство балкарских мужчин чаще всего женились в 30-40 лет, пишут С. А. Арутюнов и Б. Х. Кучмезов. Они считают, что «этот возраст определялся не только экономическими причинами (прежде всего необходимостью собрать калым). По народным представлениям, в этом возрасте человек созрел для семейной жизни — как говорили балкарцы, у него “ум устанавливался” (акъылы тохтагъан) ... Наилучшим возрастом для замужества считались 16-20 лет. При этом, по уверениям стариков, многие девушки, например, в Чегеме и Холаме, выходили замуж только в 30-35 лет. Старожилы не могут объяснить этот обычай; таким образом, быть может, стихийно сдерживался рост населения в ущелье?» [30, 12]

Свое влияние на повышение брачного возраста у балкарцев оказывали, вероятно, разного рода запреты, исключавшие из числа потенциальных брачных партнеров довольно широкий круг лиц по линиям кровного и искусственного родства. Как известно, экзогамный запрет действовал как по отцовской, так и по материнской линии до седьмого колена включительно. Столь же строго соблюдалось и молочное родство (между лицами аталыка-воспитателя и эмчека-воспитанника). Такие же родственные отношения возникали между семьей жениха и семьей того дома, в котором он, согласно обычаю, скрывался во время свадьбы (*болуш юй*). Вероятно, с такого рода традициями связано было

появление балкарской поговорки: «*Къ-а тыналсанг, кенгден ал, сабан сюрсенг, жууукъда сюр*». — «Поле паши рядом с домом, а жену бери издалека».

На повышение брачного возраста, как мы полагаем, могло влиять и довольно существенное преобладание в балкарском населении мужчин над женщинами. Например, в 1890 г. мужчин было на 4,4 % больше, чем женщин, а в 1916 г. — на 4,6 %, что иначе выражалось в соотношении 109:100.

Практика заключения браков в зрелом возрасте была возможна только

при достижении популяцией или этносом достаточно высокой средней продолжительности жизни, когда человек мог рассчитывать на то, что он успеет завести и вырастить определенное количество детей.

Таким образом, как показывает наше исследование, репродуктивное и брачное поведение балкарцев как высокогорного этноса саморегулировалось комплексом природно-экологических и социально-нормативных факторов, придававших своего рода устойчивость существованию данного социума.

-
1. Геграев Х. К. Факторы этнической адаптации и воспроизводства населения в горных условиях: Балкария конца XVIII — начала XX века // Кавказология. 2018. № 1. С. 114-130.
 2. Геграев Х. К. Этнодемография Балкарии XIX — начала XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2003.
 3. Бессмертный Ю. Л. Проблемы исторической демографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. I. С. 106-111.
 4. Бейкер П. Т. Адаптивные возможности высокогорных популяций // Биология жителей высокогорья. М., 1981. С. 362-368.
 5. Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.
 6. Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М., 1974.
 7. Ковлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география // Советская этнография. 1973. №1. С. 3-13.
 8. Сови А. Общая теория населения. М., 1977. Т. 1.
 9. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. М., 1986. Т. 1.
 10. Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3-16.
 11. Комарова О. Д. Демографические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М., 1991. С. 44-77.
 12. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, будущее. М., 1982.
 13. Козлов В. И. Динамика численности народов // Методология исследования и основные факторы. М., 1969.
 14. Население России в XX в. М., 2000. Т. 1.

15. Ибрагимов М.-Р.А. Народы Дагестана в XX в. (этнографические проблемы) // Расы и народы. М., 1991. Вып. 21. С.100-127.
16. Соловьева Л. Т. Грузия. Этнография детства. М., 1995.
17. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974.
18. Ягельский А. География населения. М., 1980.
19. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. Петрозаводск, 1993.
20. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. СПб., 2003. Т. 1.
21. Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.
22. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
23. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 14-71.
24. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX вв. М., 1985.
25. Тепцов В. А. По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 19. С. 130-191.
26. Центральный государственный архив Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 6. Оп. 1. Д. 333.
27. Караулов Н. А. Болкары на Кавказе // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 132-154.
28. Тульчинский Н. Материалы для изучения и решения поземельного вопроса в нагорной полосе Терской области. Историко-экономический очерк // Казбек. 1899. № 488.
29. Абаев М. К. Балкария. Исторический очерк. Нальчик, 1992.
30. Арутюнов С. А., Кучмезов Б. Х. Балкарцы. Нальчик, 1992.

Gegraev, Khakim K. — Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University; gegra@mail.ru

Barazbiev, Muslim I. — Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University; muslim1971@yandex.ru

THE PROCESSES OF NATURAL REPRODUCTION OF THE POPULATION OF THE TRADITIONAL BALKAR SOCIETY (ON THE MATERIALS OF THE XVIIIth — EARLY XXth CENTURIES).

Keywords: *Balkars, ethnic adaptation, high mountain populations, demographic behavior, age of marriage, natural reproduction of the population.*

The relevance of historical and demographic research is largely due to the complexity of the modern world and regional demographic processes, which have a great impact on the sustainable development of both national states and individual ethnic groups. The purpose of this article is to show the features of demographic behavior model that has developed in traditional Balkar society based on the analysis of materials of demographic statistics, ethnographic and comparative historical studies, works on the ecology and biology of high mountain populations. The scientific novelty of this study is that for the first time the historical demography of Balkaria is considered here in line with the concept of ethnic adaptation, understood as the process and result of the interaction of the factor of the

natural-geographical environment (ethnic landscape) created within its framework of economic and cultural type (life support system) and population (ethnic group) with its demographic parameters (levels of fertility, mortality and nuptiality, family organization, age and sex structure, public health). The dynamics and level of demographic indicators, together with the life support system created by the Balkars, are considered by us as criteria for the ethnos to be adapted to their own, in many ways extreme, natural-geographical living environment. To achieve the stated goal, taking into account the interdisciplinary nature of this study, we used general scientific methods of analysis and synthesis; such historical methods as historical-genetic, historical-comparative, historical-typological; demographic methods such as methods of demographic coefficients and models. As a result of the study, the following conclusion is made: this model is the result of a long process of adaptation to the conditions of the highlands, which specifies its particular parameters and limitations of the reproductive and marital behavior of the population, which served as the basis for the sustainable existence of a small ethnic group in the conditions of extreme natural environment.

REFERENCES

1. Gegraev, Kh. K. *Faktory ehntnicheskoy adaptatsii i vosproizvodstva naseleniya v gornykh usloviyakh: Balkariya kontsa XVIII — nachala XX veka* [Factors of ethnic adaptation and reproduction of the population in the mountains: Balkaria at the end of the XVIII — beginning of the XX century]. *Kavkazologiya* [Caucasology]. 2018, no. 1, pp. 114-130.
2. Gegraev, Kh. K. *Ehtnodemografiya Balkarii XIX — nachala XX veka* [Ethnodemography of Balkaria in the XIX — early XX century]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in History). Nalchik, 2003. 28 p.
3. Bessmertnyi, Yu. L. *Problemy istoricheskoy demografii* [Problems of historical demography]. *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novye podhody* [General history: discussions, new approaches]. Moscow, Nauka, 1989, iss. I, pp. 106-111.
4. Baker, P. T. *Adaptivnye vozmozhnosti vysokogornykh populyatsiy* [Adaptive possibilities of high mountain populations]. *Biologiya zhiteley vysokogor'ya* [Biology of high mountain inhabitants]. Moscow, Mir, 1981, pp. 362-368.
5. Alekseev, V. P. *Stanovlenie chelovechestva* [The formation of humanity]. Moscow, Politizdat, 1984. 462 p.
6. Alekseev, V. P. *Ocherki ekologii cheloveka* [Essays on human ecology]. Moscow, Nauka, 1974. 191 p.
7. Kovlov, V. I., Pokshishevskiy, V. V. *Ehtnografiya i geografiya* [Ethnography and geography]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1973, no. 1, pp. 3-13.
8. Sovi, A. *Obshchaya teoriya naseleniya* [General theory of population]. Moscow, Progress, 1977, vol. 1. 503 p.
9. Braudel, F. *Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [The structures of everyday life: the possible and the impossible]. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv.* [Material civilization, economy and capitalism, XV-XVIII centuries]. Moscow, Progress, 1986, vol. 1. 622 p.
10. Kozlov, V. I. *Osnovnye problemy ehntnicheskoy ekologii* [The key problems of ethnic ecology]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1983, no. 1, pp. 3-16.
11. Komarova, O. D. *Demograficheskie aspekty ehntnicheskoy ekologii* [Demographic aspects of ethnic ecology]. *Ehntnicheskaya ekologiya: teoriya i praktika* [Ethnic ecology: theory and practice]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 44-77.
12. Vishnevsky, A. G. *Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo. Istoriya, sovremennost', budushchee* [Reproduction of the population and society. History, modernity, future]. Moscow, Finansy i statistika, 1982. 287 p.
13. Kozlov, V. I. *Dinamika chislennosti narodov* [The dynamics of the number of peoples] *Metodologiya issledovaniya i osnovnye factory* [Research methodology and the main factors]. Moscow, Nauka, 1969. 407 p.

14. *Naselenie Rossii v XX v.* [The population of Russia in the XX century]. Moscow, ROSSPEN, 2000, vol. 1. 463 p.
15. Ibragimov, M.-R. A. *Narody Dagestana v XX v. (etnograficheskie problemy)* [The peoples of Dagestan in the XX c. (ethnographic problems)]. *Rasy i narody* [Races and peoples]. Moscow, Nauka, 1991, iss. 21, pp.100-127.
16. Solovieva, L. T. *Gruziya. Ehtnografiya detstva* [Georgia. Ethnography of childhood]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 1995. 139 p.
17. Volkova, N. G. *Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII — nachale XX v.* [The ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII — early XX century]. Moscow, Nauka, 1974. 274 p.
18. Yagelsky, A. *Geografiya naseleniya* [Geography of the population]. Moscow, Progress, 1980. 384 p.
19. Malthus, T. R. *Opyt zakona o narodonaselenii* [An essay on the principle of population]. Petrozavodsk, Petrokom, 1993. 139 p.
20. Mironov, B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [The social history of Russia in the period of the empire (XVIII — early XX century)]. In 2 vols]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2003, vol. 1. 548 p.
21. Alekseeva, T. I. *Adaptivnye protsessy v populyatsiyah cheloveka* [Adaptive processes in human populations]. Moscow, Moscow State University, 1986. 215 p.
22. Bessmertnyi, Yu. L. *Zhizn' i smert' v srednie veka: Ocherki demograficheskoy istorii Frantsii* [Life and death in the Middle Ages: Essays on the demographic history of France]. Moscow, Nauka, 1991. 235 p.
23. Hajnal, J. *Evropejskiy tip brachnosti v retrospektive* [European type of nuptiality in retrospective]. *Brachnost', rozhdaemost', sem'ya za tri veka* [Nuptiality, fertility, family over three centuries]. Moscow, Statistika, 1979, pp.14-71.
24. Gadzhieva, S. Sh. *Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX — nachale XX vv.* [Family and marriage among the peoples of Dagestan in the XIX — early XX centuries]. Moscow, Nauka, 1985. 358 p.
25. Teptsov, V. A. *Po istokam Kubani i Tereka* [On the river heads of the Kuban and the Terek]. *Sbornik materialov po opisaniyu mestnostey i plemen Kavkaza* [Collected materials on the description of areas and tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1892, iss. 19, pp.130-191.
26. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Arkhivnoy sluzhby Kabardino-Balkarskoy Respubliki* [Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 6. Inventory 1. Case 333.
27. Karaulov, N. A. *Bolkary na Kavkaze* [Bolkars in the Caucasus]. *Sbornik materialov po opisaniyu mestnostey i plemen Kavkaza* [Collected materials on the description of areas and tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1908, iss. 38, pp. 132-154.
28. Tulchinsky, N. *Materialy dlya izucheniya i resheniya pozemel'nogo voprosa v nagornoj poloze Terskoy oblasti. Istoriko-ekonomicheskii ocherk* [Materials for studying and solving the land issue in the mountain area of the Terek region. Historical-economic essay]. Kazbek, 1899, no. 488.
29. Abaev, M. K. *Balkariya. Istoricheskiy ocherk* [Balkaria. Historical essay]. Nalchik, Elbrus, 1992. 40 p.
30. Arutyunov, S. A., Kuchmezov, B. Kh. *Balkartsy* [Balkars]. Nalchik, 1992. 21 p.